

- 632 -

1

Приложение № 42

Воспоминания польского гражданина Абрама.

В 1939 г. находился на военной службе в Польской Армии в качестве младшего офицера кавалерийской части улан. Наша часть встретила немцев при подходе их к Варшаве и вступила в боевое соприкосновение с ними. Немцы разгромили нас в первых же боях. Особенно постаралась их авиация и танки. Мы горели желанием драться с немцами до последнего, защитить нашу столицу, но с саблей и кавалерийским карабином образца 1891 года русского еще производства, да с пиками это нам оказалось не под силу. Мы дрались отчаянно, но мне кажется, что наши неудачные встречные атаки были для них как булавоочные уколы слону. Мы даже не смогли выполнить до конца кавалерийскую сабельную атаку, они нас просто не подпустили и расстреляли как мишени. Мы горели желанием, а их танки не горели. От полка ничего не осталось, остатки жалкие его разбежались кто куда. Апатия, психологический шок, удивление и полная безысходность овладели нами, меня это тоже не миновало. Армии – нет, в Варшаве – немцы, они-сила, а у нас оказалось, кроме дресливого польского гонора и ничего нет. Решил пробираться в Варшаву.

Раздобыл какую-то гражданскую одежду, выбросил четырехугольную свою конфедератку с гордым серебряным орлом, закопал обмундирование и подался до Варшавы. А куда еще было идти? В пригороде Варшавы у меня было жилье, жила семья: жена и двое дочек. Вот к ним и пошел. Добрался. По пути раздобыл документы, их много валялось, да и у убитых можно было взять, таких тоже по дорогам и вдоль них полно было.

В общем, добрался до Варшавы, встретился с семьей, стали жить. Затем немцы организовали гетто, еврейское, это несколько кварталов оцепили колючей проволокой, ввели комендантский режим, поляков из этих кварталов выселили и заселили евреями. Была масса ограничений, для евреев. До немцев мы жили и не было деления, где поляки, где евреи. Теперь всех евреев заставили вспомнить, что они евреи. Я тоже по национальности польский еврей, но это скрывал, а немцы все равно как-то прознали про это. Потом из гетто стали людей уводить и увозить, их убивали, а имущество конфисковывали. Это все делали немцы и поляки, которые у них служили. В гетто на евреев устраивались облавы, кто попал, тех ликвидировали.

Дошла и до меня очередь. Вызвали в комендатуру, там гестаповцы и эсэсовцы в черном. Сказали, что подлежу ликвидации я и моя семья, но мол они дают мне шанс остаться в живых, если буду сотрудничать с ними в качестве переводчика на допросах. Дело в том, что я свободно владею польским, русским, немецким, еврейским и французским языками. Сказали, что у меня нет выбора, если не соглашусь, то тут же расстреляют, а если соглашусь, то буду получать паек, кое-что перепадет из имущества ликвидированных евреев, а самое главное мне и моей семье будет дарована жизнь. Деваться

некуда, согласился. Присутствовал на допросах, переводил, потом принимал участие в допросах. Немцы свое слово сдержали, и получилось, что еврей служит в гестапо и эсэс. Я был полностью поставлен на пайковое довольствие и введен в штат, но это уже ближе к 45 году.

В 45 немцев турнули, деваться мне было некуда, расстреляют теперь поляки за связь с немцами, и я подался в леса. Там скрыл службу у немцев, да особенно и не спрашивали, воевал с Красной Армией в отряде „А.К” (Армии Краевой). Отряд Красная Армия раздолбила наш в 1946 г., а меня поляки объявили вне закона, за связь с немцами, но я попал в руки Советских. Судили меня не поляки, эти бы расстреляли, а Советы, дали 20 лет, как участнику банд формирования и за немцев и отправили осваивать Колыму. В 1966 г. срок кончился, но еще ссылка. Оставили меня в Сибири на неопределенный срок. Дали кличку „Фашист”. Теперь вот отбываю ссылку, в этом холоде. Узнал, что семья моя уцелела, жена умерла, а дочери живы. Узнал недавно. Хотел бы на семью посмотреть, но это надо в Польшу ехать. Написал в Верховный Совет СССР, Подгорному, там ответили, что не против, разрешили, но надо получить согласие поляков. Я написал в Польшу, а Сейм польский разрешение не дал на мой въезд в Польшу, только через Верховный Совет СССР разрешили переписываться с дочерьми. Они обе замужем, живут, а мне хода в Польшу нет. Здесь зарабатываю на жизнь тем, что пастухом в деревне работаю, лошадь дали, 7 рублей за пастбищной сезон с коровы получаю, да кто из жителей молоко, масло, когда даст. На Колыме заработал „тубик”, собак ем, тем и живу, да могу ремонтировать от часов до трактора, но приглашают редко. Потому как „Фашист”. Не любят таких.

Со слов Абрама записал
Девянин С. А., 1970 г.